

Андреева Ю.О.¹
Религия Нью-Эйдж:

подходы, критика и проблемы применения термина

Одно из общепринятых наименований новых неинституциональных форм религиозной жизни – это движение Нью-Эйдж. Оно используется в академических кругах с середины 1980-х годов. Среди исследователей существует большое количество определений, что же такое Нью-Эйдж, что к нему можно отнести, а что нет. Точку отсчета связывают с разными периодами, фигурами и текстами, нет никакой унифицированной и всеми признаваемой истории появления Нью-Эйдж. Некоторые ученые предлагают вовсе отказаться от этого термина из-за его неопределенности. На интуитивном уровне он воспринимается более-менее понятным, но на концептуальном возникают проблемы, главной из которых, является целесообразность использования понятия, в которое вкладывается так много разных значений.

Восприятие Нью-Эйдж не раз менялось с момента появления. С 1960-х годов он ассоциировался в первую очередь с контркультурным движением хиппи, направленным против т.н. «истэблшмента», войны во Вьетнаме и материализма западной культуры. В этот момент эпохальными оказываются два события: выход мюзикла «Волосы» (1967), в начале которого хор хиппи восхваляет наступление эры Водолея «Aquarius», и известный музыкальный фестиваль «Вудсток» (1969), в рекламе которого были ссылки на Нью-Эйдж².

Далее появились тенденции трансформации общества менее радикальными способами, чем уход от него. Так, в 1982 г. вышла книга Мэрилин Фергюсон «Заговор Водолея» (“The Aquarian Conspiracy”), в которой сообщалось о наступающем «сдвиге парадигмы» в человеческом сознании и во вновь появляющейся культуре. Она, как и некоторые ее предшественники, предпочитала называть «Новую эру» «Эрой Водолея»³. Наступление «нового века» и «эры Водолея» входило в словарь контркультуры 60-х, но как лейбл узнаваемого социального движения стало использоваться только с 1980-х годов⁴. Эра Рыб, которая сменялась наконец эрой Водолея, ассоциировалась с преобладанием коллективизма, патриархата, интолерантности и авторитаризма⁵.

Поэтому если в начале 1970-х годов наступление эры Водолея связывалось с контркультурными настроениями и движением хиппи, то сегодня ситуация обстоит по-другому: «мнения и практики, которые воспринима-

¹ *Андреева Юлия Олеговна* [julia.o.andreeva@gmail.com] – магистр антропологии, младший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия) – прим. ред.

² *Sutcliffe S.* Children of the New Age: A History of Spiritual Practices. Routledge, 2003. P. 28.

³ *Chrystides G.D.* Defining the New Age // Handbook of New Age / Ed. by D. Kemp and J.R. Lewis. Leiden: Brill, 2007. P. 5–9.

⁴ *Hanegraaff W.J.* New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought. Leiden; New York; Köln: Brill, 1996. P. 11–12.

⁵ *Ibid.*, p. 320.

лись, скорее, как странные взгляды меньшинства, распространились на все общество». Реакция «большинства» изменилась с открытой враждебности на умеренное безразличие⁶.

В Россию идеи Нью-Эйдж проникли уже в 1960-е годы через рок-музыку (в частности «Битлз»), некоторые НРД (кришнаиты и шричинмоевцы), литературу и личные контакты с иностранными лидерами, однако затрагивали, конечно, только ограниченные круги элит⁷. Разумеется, движение Нью-Эйдж с самого начала функционировало в других условиях и отличалось от западно-европейского. Биргит Менцель выделяет следующие специфические черты российского Нью-Эйдж: передача интеллектуалами эзотерического знания, тогда как на Западе оно транслировалась в пределах популярной культуры. Другим значимым отличием является маргинальная роль сексуальности и телесности среди советских эзотериков по сравнению с тем местом, которые эти дискуссии занимали в Европе. Если на Западе акцент всегда ставился на единство тела и души, то в Советском Союзе речь шла в первую очередь о духе. В этом Нью-Эйдж в России сближается с советским моральным пуританизмом и православием⁸.

На сегодняшний день российские ньюэйджеры очень далеки, как правило, от идей феминизма и разговоров о сексуальности в отличие от своих западных соседей. Несмотря на преобладание женщин, в центре чаще остаются представления о традиционных ценностях и разделении обязанностей между мужчинами и женщинами.

Безусловно, термин «Нью-Эйдж» попал в российские реалии значительно позднее расцвета самого явления на Западе. В связи с чем возникают дополнительные вопросы о его уместности уже в постсоветском пространстве особенно с учетом несмолкающих дебатов о целесообразности использования понятия Нью-Эйдж в традиционном для него контексте. Несмотря на отличие российского Нью-Эйдж от европейского или американского, использование термина остается удобным, хотя бы потому, что он отражает зыбкость границ группы и идейного единства, и при этом наследует основные черты глобальной духовной религиозности.

Однако обратюсь сначала к тому, как ученые трактуют религию Нью-Эйдж. Нидерландский исследователь эзотерики Воутер Ханegraафф рассматривает ее в русле западной эзотерической традиции, которая ведет свое начало с возрождения герметизма в эпоху Ренессанса и сильно меняется под влиянием процесса секуляризации⁹. Исследователь проводит различие между Нью-Эйдж в узком (*sensu stricto*) и широком смысле (*sensu lato*). К первому относится теософское и антропософское ожидание скорейшего прихода эры Водолея, где все строится на образе нового и

⁶ *Hammer O.* New Age and the Discursive Construction of Community // *Journal of Alternative Spiritualities and New Age Studies*, 1, 2005. P. 111.

⁷ *Menzel B.* Occult and Esoteric Movements in Russia from the 1960s to the 1980s // *The New Age of Russia: Occult and Esoteric Dimensions*. Edited by B. Menzel, M. Hagemeister, B.G. Rosenthal. Muenchen-Berlin: Verlag Otto Sagner, 2012. P. 180.

⁸ *Ibid.*, p. 183–185.

⁹ *Hanegraaff W.J.* New Age Religion and Secularization // *Numen*, Vol. 47, No. 3, 2000. P. 293.

трансформированного мира. Нью-Эйдж в широком смысле – это главным образом американское явление, здесь наступление нового века – один из компонентов более широкой картины. Он появился не раньше 1970-х годов, и именно о нем в первую очередь идет речь сегодня, когда говорят о Нью-Эйдж. Ньюэйджеры заменяют дуалистические формы (приписываемые догматическому христианству) на «холистические» альтернативы: единство бога и человека, связь физического и духовного здоровья, природы и социума¹⁰. Ханegraaff ставит своей задачей изучить движение Нью-Эйдж с перспективой истории идей, а для этого осуществить «анализ мировоззрений и теологий альтернативных движений», а также посмотреть на их «происхождение и культурный бэкграунд»¹¹.

Американские религиоведы Джеймс Льюис и Гордон Мелтон также обозначают по крайней мере два проявления Нью-Эйдж в наблюдаемой ими культуре: первое, в узком смысле – это «явления, персоналии и события, получившие известность в СМИ»; второе, широкое понимание включает в себя «духовную субкультуру»¹². Движение Нью-Эйдж – относительно новое явление, которое развилось в конце 1960-х в Англии и стало заметным в начале 1970-х годов. Оно впитало в себя темы Нового мышления, теософии, спиритуализма и восточных религий. С точки зрения Гордона Мелтона, это не столько новая религия, сколько «новый ревайвалистский религиозный импульс, направленный на эзотерические / метафизические / восточные группы и к мистической склонности во всех религиях»¹³.

Сам термин, как указывают религиоведы, «подразумевает миллениаристское видение мировой трансформации, которое отличает Нью-Эйдж от большинства предшествующих движений». Наиболее важным источником «трансформативной метафоры», как и самого термина Нью-Эйдж, была теософия, особенно работы Алисы Бейли¹⁴. В Нью-Эйдж вместе с личной переменной возможна также социальная и культурная трансформация: из мира войны, кризиса и загрязнения в новую эру любви, мира и гармонии. Надежда на коренной перелом и дает движению такое имя. При этом разные ньюэйджеры предлагают довольно непохожие механизмы для достижения перемен¹⁵.

Социолог религии Уильям Бэйнбридж обращает внимание на организационную составляющую движения Нью-Эйдж. Оно, по сути, не является никаким движением, а представляет собой сеть коллективного поведения

¹⁰ Ibid., p. 291–292.

¹¹ *Hanegraaff W.J.* New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought. Leiden; New York; Köln: Brill, 1996. P. 3.

¹² *Lewis J.R., Melton J.G.* Introduction // *Perspectives on the New Age*. Ed. by James R. Lewis and J. Gordon Melton. New York: State University of New York Press, 1992. P. x–xi.

¹³ *Melton J.G.* Beyond Millennialism: The New Age Transformed // *Handbook of New Age* / Ed. by D. Kemp and J.R. Lewis. Leiden: Brill, 2007. P. 18–19.

¹⁴ *Lewis J.R., Melton J.G.* Introduction // *Perspectives on the New Age*. Ed. by James R. Lewis and J. Gordon Melton. New York: State University of New York Press, 1992. P. xi.

¹⁵ *Melton J.G.* Beyond Millennialism: The New Age Transformed // *Handbook of New Age* / Ed. by D. Kemp and J.R. Lewis. Leiden: Brill, 2007. P. 18–19.

ния, где люди неформально влияют друг на друга, но не являются членами какой-либо официальной группы. Он выделяет частные, аудиторные и клиентские аспекты Нью-Эйдж. Первые «дают паранормальные и сверхъестественные объяснения, на которые индивиды могут опираться, чтобы понять свой частный духовный опыт». Аудитория Нью-Эйдж поддерживается литературой, представляемой частично как фантастика, частично как факт¹⁶. Клиентские услуги в среде Нью-Эйдж обычно основываются на некоторых специфических качествах или профессиональных навыках практикующего, например эксперт-астролог составляет гороскопы для тех, кто не владеет соответствующим знанием¹⁷.

Концепция Нью-Эйдж подвергается критике среди исследователей по многим причинам. Прежде всего, она охватывает слишком большое количество разнородных идей. Как пишет Воутер Ханеграфф, *New Age* – это «скорее видение, чем теория»¹⁸. Кажется сомнительным и отнесение Нью-Эйдж к «альтернативной духовности» (*Alternative Spirituality*), так как поиски «духовности» не ограничиваются узкой прослойкой общества, а характерны для представителей самых разных сред¹⁹. Идеи Нью-Эйдж проникают и в массовую культуру, и в традиционные религии. Например, страхи перед продуктами, содержащими ГМО и дрожжи²⁰; вера в энергии и телегонию характерны не только для т.н. «альтернативной религиозности», но и для многих православных верующих.

Один из главных критиков использования термина Нью-Эйдж, Стивен Сатклифф, указывает на то, что сама история его существования говорит нам, насколько разные явления обобщаются одним и тем же термином. Сначала Нью-Эйдж был апокалиптической эмблемой, затем он стал ярлыком для всего, относящего к области «духовного»²¹. К тому же, как замечает исследователь, эмное использование термина, а это – Уильям Блэйк, Элис Бэйли, мюзикл «Волосы» – отсылает нас к теориям и подходам, которые неактуальны для современного Нью-Эйдж²².

В вводной статье сборника «За пределами Нью-Эйдж: объясняя альтернативную духовность» (“*Beyond New Age: Explaining Alternative Spirituality*”) Стивен Сатклифф и Марион Боумэн высказывают крайнюю обеспокоенность беспорядочным использованием термина, и тем, что он является своеобразным «кодовым словом» в большом поле современных религиозных экспериментов». Они считают неправомерным использовать фальшивую этную категорию «движение Нью-Эйдж» в отношении

¹⁶ *Bainbridge W.* The Sociology of Religious Movements. New York: Routledge, 1997. P. 390.

¹⁷ *Ibid.*, p. 383.

¹⁸ *Hanegraaff W.J.* New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought. Leiden; New York; Köln: Brill, 1996. P. 333.

¹⁹ *Roof W.C.* Spiritual Marketplace: Baby Boomers and the Remaking of American Religion. Princeton University Press, 1999. P. 9–10.

²⁰ *Кормина Ж.В.* Дрожжи-убийцы: гастрономическая конспирология и культура недоверия в современной России // Антропологический форум. 2015. № 27. С. 142–175.

²¹ *Sutcliffe S.* Children of the New Age: A History of Spiritual Practices. Routledge, 2003. P. 29.

²² *Ibid.*, p. 197.

разного круга явлений религиозной жизни. Тогда как простое сочетание «Нью-Эйдж» лишь воспроизводит эмную реплику²³.

Другой ярый критик Нью-Эйдж, американский религиовед Пол Хилас, считает, что сам термин приносит больше вреда, чем пользы. Он применяется только для того, чтобы избавиться от обвинений в адрес определенных верований и практик в неаутентичности, тривиальности, поверхностности и консьюмеризме. Ему кажется более уместным термин «экспрессивная духовность» (“expressive spirituality”), подчеркивающий значимость внутренней духовности²⁴.

С точки зрения британского антрополога религии Мэтью Вуда, в работах по Нью-Эйдж не хватает теоретической подоплеки, эмпирических свидетельств и сравнительного рассмотрения. Вуд ставит перед собой задачу контекстуализировать явления и понять их в терминах социальной власти (authority) и организации. А именно, как власть и организация конструируются и поддерживаются людьми в относительно неформальных религиозных группах. Он полагает, что нет никакой исследовательской области Нью-Эйдж, потому что нет такого кейса, который бы полностью соответствовал тому, что описано, как верования и практики Нью-Эйдж. Однако нужно менять не рамки области изучения Нью-Эйдж, а рамки анализа того, что классифицируется таким образом, т.е. научное восприятие таких явлений. Вуд считает, что нужно «избегать любой научной герметизации этих явлений», которая создаст лишь новые лейблы, не объясняя события и практики. Поэтому он не предлагает никакой замены термину Нью-Эйдж, оставаясь в пределах его исследовательского поля, но не признавая сколь-нибудь значимыми теоретические выкладки о Нью-Эйдж в целом²⁵.

Можно заметить, что даже в пределах европейско-американского континуума нет никакой конвенции использования термина Нью-Эйдж. Джордж Крайссайдс справедливо указывает, что несмотря на то, что «Нью-Эйдж» является условным конструктом, это не уменьшает его полезности для исследователей. То же самое характерно для многих теоретических построений в науке о религии²⁶. По словам Джеймса Льюиса, Нью-Эйдж – проблемный термин, но пока не существует сопоставимого аналога, который покрывает все аспекты движения, и поэтому он остается этной категорией для исследователей²⁷.

²³ *Sutcliffe S., Bowman M.* Introduction // *Beyond New Age: Exploring Alternative Spirituality*. Edited by S. Sutcliffe, M. Bowman. Edinburgh University Press, 2000. P. 1.

²⁴ *Heelas P.* Expressive Spirituality and Humanistic Expressivism: Sources of Significance Beyond Church and Chapel // *Beyond New Age: Exploring Alternative Spirituality*. Edited by S. Sutcliffe, M. Bowman. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. P. 250.

²⁵ *Wood M.* Possession, Power, and the New Age: Ambiguities of Authority in Neoliberal Societies. Ashgate Publishing Limited, 2007. P. 9.

²⁶ *Chrystides G.D.* Defining the New Age // *Handbook of New Age* / Ed. by D. Kemp and J.R. Lewis. Leiden: Brill, 2007. P. 13–14.

²⁷ *Lewis J.R.* Approaches to the Study of the New Age Movement // *Perspectives on the New Age*. Ed. by James R. Lewis and J. Gordon Melton. New York: State University of New York Press, 1992. P. 2.